

Вадим Месяц

Как незаконный отпрыск Пазолини

Голубятники

В сырой земле обманутые спят.
И те, кто их бесстыдно обманули,
выкармливают в клетках голубят
и выпускают стаями в июле.
Душа на волю рвётся, как заря,
и тьма смущённо отступает в угол
и чёрным зверем горбится, как уголь,
с желтушными глазами янтаря.
Никто не различает рай и ад,
уравнены зарплата и расплата.
Ты сам в случайной смерти виноват,
она — в случайной жизни виновата.
Мой сизый стоит десять косарей,
а твой способен усыпить младенца.
Нет ничего трезвей больного сердца,
посаженного в глушь монастырей.
В могилах улыбаются друзья,
вкусив устами горечь чернозёма.
Но если ты — наполовину я,
нам никогда не выбраться из дома.

Месяц Вадим Геннадиевич — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1964 году в Томске. Автор более 20 книг стихов и прозы. Руководитель издательского проекта «Русский Гулливер» и журнала «Гвидеон». Лауреат ряда литературных премий. Живет в Москве.

Бессонница

Пересчитай таблетки языком,
как Буратино, что считал монетки,
когда вниз головой висел на ветке
дырявым деревянным кошельком.

Бессонница всегда — обитель зла,
но сон нам не подарит божье царство.
Тебе полезно всякое лекарство
за исключением битого стекла.

Ты не искал волшебную страну,
но износил ботинки не напрасно.
Пока чужое счастье не заразно,
его не ставят ближнему в вину.

Пролистаны завет и каббала,
но в памяти остались письма с фронта.
Идя на край иного горизонта,
лунатики не смотрят в зеркала.

Пластилиновый Пазолини

Когда земля уходит из-под ног,
и ноты ниспадают с партитуры,
и на подругу взгляда не поднять.
И в шахматную клетку потолок
роняет одинокие фигуры.
И скоро уже нечего ронять.
Я ощущаю в сердце листопад,
и в гарнизонах приспускают флаги,
предчувствуя поруганную честь.
И катятся на каменный Арбат
рулоны одноразовой бумаги
неся внутри себя благую весть.
И я рыдаю нынче сам не свой,
как незаконный отпрыск Пазолини,
знакомясь с фильмографией отца,
в театре с непокрытой головой,
пробитой долотом посередине,
и с добрым выражением лица.

* * *

Иноземным, иногородним
незаметным двором соседним
выходила зима в исподнем
и делилась своим последним.
Она сыном делилась с богом.
Мы смеялись вослед бродяге:
ходит, голая, по дорогам,
дура глупая, спит в овраге.
Не вернёт ей господь младенца,
что закружит весь мир пожаром.
Нелегко оторвать от сердца
что случайно досталось даром.

Холодный вокзал

Она в дверях стояла и дышала,
и с губ её срывался плотный пар
морозной ночи, вставшей средь вокзала,
как детский недосмотренный кошмар,
наполненный деталями распада,
вкраплённого, как кровь, в земную твердь.
И подвывала бравая эстрада
бессмертных душ, что ощутили смерть
в палёном алкоголе, в разговорах
о том, чего не будет никогда.
И уезжали дачники на скорых.
И снова приходили поезда
по расписанию и без расписанья.
И выбрать нужный город я не мог,
когда клубы тяжёлого дыханья
попутчиков моих валили с ног.
Часы стояли. В маленьком буфете
шла тайная мышинная возня.
И не было товарища на свете,
чтоб мог позвать по имени меня.
И только это как-то согревало
в заиндевелем здании пустом:
я не дышал, а женщина дышала
накрашенным, как роза, красным ртом.
Что нам сказать в напутствие друг другу,
куда пойти со смехом до конца,
когда нам не поднять от перепуга
лицу навстречу жалкого лица.